

ЛАБИРИНТ НИГИЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ Ф. НИЦШЕ

Аннотация. В статье впервые предпринимается попытка позитивной реконструкции нигилистической революции, намеченной Ф. Ницше в поздний период творчества (1882-1888 гг.).

Почти незамеченная в прижизненных изданиях философа теория нигилистической революции сохранилась в виде отдельных афоризмов, высказываний, замечаний, вошедших в так и оставшуюся незавершенной «Волю к власти». Вытекая из разрабатываемых в этот период философом «воли к власти» и «вечного возвращения того же самого», концепция нигилистической революции противостоит господствовавшим в XIX в. социально-демократическим теориям общественного развития, теориям социалистического и социал-дарвинистского толка.

Полностью отказываясь от исторического наследия просвещенчески-рационалистической философии XVII-XVIII вв., Ф. Ницше в своей теории нигилистической революции разрабатывает концепцию «переоценки ценностей», заменяя христианский нигилизм, социальную справедливость и христианское воздаяние на концепции «Великой политики» и новой социальной антропологии — теорию «сверхчеловека».

В процессе формулирования идей нигилистической революции философ вырабатывает новый тип мышления, полностью разрывая с господствующим рационалистическим способом освоения социальной действительности, выдвигает новый тип мышления, названный им «Божественным образом мысли». Реализуя просвещенческий, рационалистический лозунг самостоятельного мышления *Sapere aude*, отмеченный в свое время И. Кантом, Ф. Ницше доводит до «логического конца» многие социал-реформаторские идеи, показывая крайние выводы из либерального утопизма XIX в.

Философ формулирует многие идеи, своеобразно предвосхищающие будущий тоталитарно-кастовый режим государств XX в., предсказывает будущую глобальную политическую деятельность ожидаемых им «господ Земли» и методы и способы будущего политического устройства.

В процессе формирования теории нигилистической революции Ф. Ницше ставит вопрос о «социальной цене», *ressentiment'e* будущего социального развития, о методах социального развития человечества в целом, о целях самого этого развития, о месте собственной философии в этом развитии.

Ключевые слова: философия, власть, воля, нигилизм, сверхчеловек, дарвинизм, рационализм, утопия, революция, Просвещение.

Последняя декада XIX и начало XX вв. представляют собой весьма интересный период, характеризующийся появлением нового, не столько художественного, сколько социокультурного стиля, резко расходящегося со всей предшествующей традицией художественного творчества, намечающего новые горизонты и перспективы развития. Это — так называемый период “*decadence*”, создавший новый художественный стиль, который получил в разных странах Европы название: “*Art nuovo*”, “*fin de siecle*”, “*Jugendstil*”, “*Seccessinstile*”, но, в целом, имеющий название “*modernism*”, крупнейшими

представителями которого были: О. Уайльд — в Англии, А. Стриндберг — в Швеции и Ф. Ницше — в Германии.

В случае Ф. Ницше этот период совпал с поздним периодом творчества философа (1882-1888 гг.), с особым творческим этапом духовной эволюции, когда он вступил в стадию «пророчества» с позиций вновь обретенного бога Диониса, «эпифанией» которого ощущал себя философ, и это — с одной стороны, с другой — он заявил себя как «...первый совершенный нигилист Европы, но уже переживший до конца этот нигилизм, — имею-

щий этот нигилизм за собой, вне себя»¹. Именно с этой двойственной позиции «пророка от Диониса» и своей особой миссии «сотера» — сакрификатора, очистителя и основателя новой религии, Ф. Ницше провозглашает следующие слова, обращенные в будущее: «То, о чем я повествую, это история ближайших двух столетий. Я описываю то, что надвигается, что теперь уже не может прийти в ином виде: *появление нигилизма*»². Но это пророчество, обращенное в будущее, тогда как, оглядываясь назад, Ф. Ницше как бы «пророчествуя в прошлое», говорит: «Близится время, когда нам придется расплатиться за то, что целых два тысячелетия мы были христианами...»³. Весьма очевидно, что философ имеет в виду единый процесс, который начавшись в далеком прошлом, продолжится в будущем, в ближайшие два столетия, и это будет — *нигилизм* — как его уже назвал философ, именно нигилизму посвящена, по крайней мере, вся первая часть фрагментов, входящих в подготовленный им *“magnum opus”* «Воли к власти».

Итак, что такое нигилизм, по мнению философа? «Что означает нигилизм? — риторически спрашивает Ф. Ницше, — *То, что высшие ценности теряют свою ценность*. Нет цели. Нет ответа на вопрос «зачем?»⁴. Чем опасен для человечества, по мнению философа, «...этот самый жуткий из всех гостей?»⁵. А тем, сам себе отвечает философ, что: «Все лишено смысла (невозможность провести до конца толкование мира, но которое была потрачена огромная сила, вызывает сомнение, не ложны ли *все вообще* толкования мира)»⁶. И, самое главное, — не ложно ли существовавшее почти два с половиной тысячелетия христианское мировоззрение — ведь именно его делает ответственным философ, — коль скоро мы должны будем платить за то, что были до сих пор христианами, как утверждал Ф. Ницше в приведенном выше фрагменте. В другом месте Ф. Ницше пишет, что «вина» за нигилистический процесс, за нигилизм, в котором мы оказались, лежит на нашей вере в «христианскую моральную гипотезу». По мнению философа: «Она придавала человеку абсолютную *ценность*, в противоположность его малости и слу-

чайности в потоке становления и исчезновения»⁷. Вместе с тем, возлагая вину за надвигающийся «нигилизм» на христианские ценности, Ф. Ницше ранее в своей «Веселой науке» (1881) заявил в весьма яркой форме, хотя и устами безумца, и сам факт, и возможные выводы из него: «Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили. Как утешимся мы, убийцы из убийц! ... Не должны ли мы сами обратиться в богов, чтобы оказаться достойными его? Никогда не было совершено дела более великого, и кто родиться после нас, будет благодаря этому деянию принадлежать к истории высшей, чем вся прежняя история!»⁸.

Выход из тупика «нигилизма» намечен и даже более того — сам «нигилизм» как развитие христианских ценностей, надвигающийся на человечество, может быть преодолен через тот самый нигилизм, который в этом случае может стать, по мнению философа: «*божественным образом мысли*»⁹. Как пишет философ: «Крайние позиции сменяются не более умеренными, а опять же крайними, но *обратными*... Одна интерпретация погибла: но так как она считалась единственной интерпретацией, то нам и кажется ныне, будто нет никакого смысла в жизни вообще, будто все *напрасно*»¹⁰. И далее Ф. Ницше своеобразно исчисляет выводы из этой концепции «нигилизма», оказавшегося божественным образом мысли: «*Длительность* существования при наличии этого «напрасно» без цели, без смысла, — вот наиболее *парализующая* мысль, особенно тогда, когда человек понимает, что над ним издеваются, и все же не имеет сил оградить себя от этого»¹¹. Из этой «парализующей мысли» следует, по мнению Ф. Ницше, по крайней мере, две основные, предлагаемые им гипотезы — мифологемы, позволяющие осуществить переоценку ценностей и самую дальнейшую активную деятельную жизнь: «гипотеза вечного возвращения того же самого» и гипотеза «воли к власти». «Продумаем эту мысль, — пишет Ф. Ницше, — в самой страшной ее форме; жизнь как она есть без смысла, без цели, но возвращающаяся неизбежно, без заключительного «ничто» — «вечный возврат»¹². И это — с одной стороны, тогда

¹ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 25.

² Там же.

³ Там же. С. 41.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же. С. 29.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 31.

⁸ Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 593.

⁹ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 36.

¹⁰ Там же. С. 55-56.

¹¹ Там же. С. 56.

¹² Там же. С. 56.

как с другой: «Жизнь не имеет иных ценностей, кроме степени власти — если мы предположим, что сама жизнь есть воля к власти»¹³. И дальше философ усматривает широко идущие социально-политические последствия этих двух предлагаемых им гипотез преодоления нигилизма, в которых нигилизм становится тем средством, с помощью которого обеспечивается та самая высшая история, которая следует из факта «смерти Бога», объявленного в «Веселой науке» (аф. 125). «Мораль ограждала неудачников, обездоленных от нигилизма, приписывая каждому бесконечную ценность, метафизическую ценность ... Если предположить, что вера в эту мораль погибнет, то неудачники утратят свое утешение — и погибнут тоже. Гибель принимает здесь форму самоотречения на гибель, в виде инстинктивного подбора того, что должно губить»¹⁴. Именно так, и не больше и не меньше: найден механизм своеобразного самоочищения общества в будущем. Или, как пишет Ф. Ницше, продолжая свой мыслительный эксперимент: «Нигилизм — как симптом того, что неудачникам нет больше утешения, что они уничтожают, чтобы быть уничтоженными, что они, оторвавшись от морали, не имеют больше основания «покоряться своей судьбе», — что они становятся на почву противоположного принципа и со своей стороны также *хотят власти*, принуждая властвующих быть их палачами»¹⁵.

Собственно, это и есть своеобразная революция нигилизма, возникающая при принятии теории-гипотезы, мифологемы «вечного возвращения того же самого» в качестве социально-политической доктрины, в качестве действующего механизма социального отбора и самоочищения социального организма общества. Или, как пишет далее философ: «Что же означает теперь «неудачник»? Прежде всего, *физиологическую* неудачу, — а уже не политическую. Самый нездоровый род людей в Европе (во всех сословиях) — почва для этого нигилизма: они воспримут веру в вечное возвращение как *проклятие*; и пораженный этим проклятием человек не остановится ни перед какими действиями — не пассивно сгнуться, но довести до гибели все, что в такой степени бессмысленно и бесцельно...»¹⁶.

Смысл, социальный смысл такого рода нигилистической революции состоит, по мнению философа, в том, что происходит своего рода «сепарация» всего общества, — общество самоочищается от всего вредного, паразитического, от всех политических проблем, переводя их в проблемы сугубо физиологические, в проблемы физиологического выживания. Или, как пишет философ: «*Ценность такого кризиса* в том, что он *очищает*, что он сводит вместе родственные элементы, которые взаимно губят друг друга, в том, что он людям противоположного образа мыслей указывает на общие задачи; обнаруживая и среди них более слабых и менее уверенных, он этим создает *особую иерархию сил* с точки зрения здоровья: признавая повелевающих — повелеваемыми, подчиняющихся — подчиняющимися»¹⁷. Этот своеобразный социал-дарвинизм, борьба за существование в будущем утопическом обществе, рисуемом Ф. Ницше, завершается отнюдь не людьми сверхчеловеческого типа, не галереей и культом героев, о которых мечтал современник Ф. Ницше Т. Карлейль, а весьма «средними» представителями человеческого рода, весьма умеренными и весьма физиологически здоровыми: «Кто же окажется при этом *самыми сильными*? — риторически спрашивает Ф. Ницше, — Самые умеренные, те, которые не *нуждаются* в крайних догматах веры, те, которые не только допускают добрую долю случайности, бессмысленности, но и любят ее, ... наиболее богатые здоровьем, те, которые легче переносят всякие невзгоды и потому не слишком боятся невзгод — люди, *уверенные в своей силе* и с сознательной гордостью олицетворяющие *достигнутую* человеком мощь»¹⁸. Заявленные ранее белокурая бестия (Blonde bestie), «Генеалогия морали» и «сверхчеловек» периода «Заратустры» съезживаются в этих рассуждениях до уровня «человека», как минимум, «ловкого» (Homo gobilis) и не более и своеобразно противостоит социал-дарвинистским теориям, с которыми полемизирует Ф. Ницше, хотя все же остается неясным, насколько хорошо философ был знаком с теорией Дарвина, а не с ее расхожими интерпретациями в обществе.

Впервые столкнувшись с феноменом «массы», заявившей о себе и во Французской революции XVIII в., и в буржуазных революциях в Германии 1848 г., феномене Парижской коммуны 1870 г.,

¹³ Там же. С. 57.

¹⁴ Там же. С. 57-58.

¹⁵ Там же. С. 58.

¹⁶ Там же. С. 58.

¹⁷ Там же. С. 59.

¹⁸ Там же. С. 59.

Ф. Ницше выступил против дарвиновской теории о борьбе за существование, в которой неизменно побеждает лучший, наиболее совершенный и приспособленный к реализации своеобразного биологического процесса. Но как об этом пишет Ф. Ницше: «Как раз противоположное бросается в глаза: вымирание счастливых комбинаций, бесполезность типов высшего порядка, неизбежность господства средних, даже *ниже средних* типов»¹⁹. Более того: «... я склонен к предположению, что школа Дарвина ошибается во всех своих утверждениях»²⁰ — считает философ. Кроме того, Ф. Ницше утверждает: «Я вижу, что низшие одерживают верх благодаря своей численности, своему благоразумию и хитрости ... «Жестокость природы», о которой так много говорят, я усматриваю там, где ее не видят — она жестока по отношению к своим удавшимся детям, она щадит, охраняет и любит *les humbles*»²¹. Но тем самым трактовка «социальной революции»: выступления «массы» против господствующего строя может быть и из низших, но наиболее приспособленных слоев против редких аристократических «отборных типов», трактовка социальных проблем, как проблем физиологических, «видовых» различий уже с позиций разрабатываемой им «воли к власти», подытоживается Ф. Ницше следующим образом: «*Im summa*: рост *власти* данного вида, может быть, менее гарантирован преобладанием его удачных детей, его сильных, чем преобладанием средних и низших типов... Последние имеют сильную плодовитость, устойчивость, с первыми связано возрастание опасности, скорое вымирание, быстрое уменьшение численности вида»²².

И все же, выступая в качестве социального реформатора, отвергая христианские моральные оценки как пассивно нигилистические, Ф. Ницше в качестве основателя нового учения о «вечном возвращении того же самого» как разновидности активного нигилизма, который, по мнению философа, не только может выступать учением, подвергаящим сепарации все человечество на предмет его выживания в новых предлагаемых условиях, но может стать и «божественным образом мысли». Ф. Ницше задумывает и эскиз «великой политики», предложенный им будущим «господам земли» в качестве своего рода социальной революции, сво-

еобразно восстанавливающей природный баланс функционирования «воли к власти» в ее неумолимом ритме «вечного возвращения того же самого». Отвергая теорию прогрессивного линейного развития, Ф. Ницше с позиций своей теории «вечного возвращения того же самого» в самом деле возвращается к весьма своеобразному «первичному» понятию «революции» как возвратно-поступательного развития, при котором, как образно пишет философ: «...поток вновь и вновь возвращается в самого себя, а вы вновь и вновь входите в тот же поток, оставаясь теми же»²³. Развивая это учение о революции, как о движении, противостоящем плоско понятому прогрессизму с его рядоположением этапов развития, где последующий является опровержением предыдущего этапа, следуя гегелевской терминологии, уже в XX в. последователь Ф. Ницше Ю. Эвола так определяет само понятие революции в ницшеанском стиле: «Мы уже ясно изложим, — пишет Ю. Эвола, — нашу точку зрения, согласно которой о «революции» можно говорить лишь в относительном значении, — используя гегелевскую терминологию, как об «отрицании отрицания» — подразумевая наступательное движение против того, что имеет отрицательный характер, совокупность насильственных или ненасильственных изменений, нацеленных на восстановление нормального состояния»²⁴. Собственно, это понятие революции становится в дальнейшем основанием для консервативно-традиционалистского понимания развития, как возвращение к первичному примордиальному образцу.

Определяя окружающую его социальную действительность конца XIX в. в Германии как «*decadence*», стремясь преодолеть его последствия, Ф. Ницше пытается опереться на все тот же «нигилизм» окружающей его действительности. «Ибо, почему появление нигилизма, — пишет Ф. Ницше, — в данное время *необходимо*? Потому что все наши бывшие до сих пор в ходу, ценности сами находят в нем свой последний вывод: потому что нигилизм есть до конца продуманная логика наших великих ценностей и идеалов, — потому что нам нужно сначала пережить нигилизм, чтобы убедиться в том, какова, в сущности, была ценность этих ценностей. Нам нужно когда-нибудь найти *новые ценности*»²⁵. Для философа нигилизм, как состояние духа, ума, представляет

¹⁹ Там же. С. 376-377.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 378.

²² Там же. С. 378.

²³ Ницше Ф. Полное собр. соч. Т. 10. М., 2010. С. 174.

²⁴ Эвола Ю. Люди и руины. М., 2007. С. 14.

²⁵ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 26.

собой высшую ценность. «Нигилизм, — пишет философ, — как идеал *высшего могущества* ума, избытка жизни, частью — разрушительный, частью — иронический»²⁶. Являясь главным орудием разрушения некогда безусловных христианских ценностей, орудием секуляризации, нигилизм на протяжении почти двух тысяч лет исподволь, медленно в процессе исторического развития разрушал, разлагал, релятивизировал некогда незыблемые скрижали морали и моральные заповеди. И после стадии так называемой «смерти Бога», после крушения всех моральных догм, под натиском рационального революционизирующего разума нигилизм обретает новую функцию, становится инструментом построения нового мира, сотворенного на отрицании всякого рода метафизических ценностей. «Именно этим путем, — пишет Ф. Ницше, — мы обретаем тот пафос, который влечет нас на поиски *новых ценностей*. In summa: мир имеет, быть может, несравненно большую ценность, чем мы полагали, — мы должны убедиться в *наивности наших идеалов* и открыть, что мы, быть может, в сознании, что даем миру наивысшее истолкование, не придали нашему человеческому существованию даже и умеренно существующей ему ценности»²⁷. Этот новый мир — мир «нового мира и новой земли», обетованный «господам земли» Ф. Ницше строит, отходя от культурологических терминов, не как прорыв из ценностей «модерна к постмодернизму» будущего в ближайшей перспективе, а, скорее, как некое новое учение, религию аристократии — «расы господ», свою утопию для «нового дивного мира». Как пишет философ: «Это не только раса господ, задача которой исчерпывалась бы тем, что она правит, но раса со своей *собственной жизненной сферой*, с преизбытком силы для красоты, отваги, культуры, манер, возведенных в духовность; *утверждающая* раса, которая может позволить себе любую, самую большую роскошь — достаточно сильная, чтобы не нуждаться в императиве добродетели, достаточно богатая, чтобы не нуждаться в бережливости и мелочном педантизме, раса по ту сторону добра и зла; теплица для причудливых и изысканных растений»²⁸.

Таков социальный идеал будущего, которое представлялось философу пока еще в самых общих восторженно-романтических формах, идеальных

схемах существования, хотя для осуществления самой этой мечты философ рисует вполне конкретные меры, рекомендует средства, способствующие продвижению «идеала» в реальную жизнь. В общем, делает все, чтобы совершить: «Приурочивание к тому, чтобы стать законодателями будущего, владыками земли; по меньшей мере, чтобы этим стали наши дети»²⁹. Или как он рассуждает в другом месте: «Неотвратимо, неспешно, страшно как сама судьба на нас надвигается огромный вопрос и задача: как управлять Землей как неким целым?»³⁰. Итак, конкретные меры: «Надобно учение, — пишет Ф. Ницше, — достаточно сильное, чтобы действовать как *средство отбора*: укрепляя крепких, расслабляя, парализуя, ломая тех, кто утомлен жизнью. Уничтожение опустившихся рас. Упадок Европы. — Уничтожение рабских ценностей. — Господство над всей Землей как средство зачатия нового типа»³¹ и т.д. и т.п.

И хотя это пишет человек, который дважды на протяжении своей жизни пытался изобразить себя военным (артиллеристом в 1870 и санитаром во время франко-прусской войны) и оба раза — безуспешно: первый раз упал с лошади, второй — вскоре заболел дизентерией, но его рекомендации, воинственный дух этих рекомендаций свидетельствуют о полной серьезности намерений. Ведь философ не раз повторяет: «Я пишу для человеческого рода, какого еще нет на свете: для «хозяев Земли»³². А в 1885 г. в одном из фрагментов, уже после написания «Заратустры», Ф. Ницше», рассуждая в образах и терминах, стилистике своей символической поэмы, набрасывает эскиз некоей эрзац-религии будущего: «Заратустра счастлив, ибо борьба сословий *миновала* и, наконец, пришло время для рангового порядка индивидов. Ненависть к демократической, нивелирующей системе лишь на *переднем плане*; на самом деле он рад, что *дошло до этого*. Теперь он может решить свои задачи. *Его учение было до сих пор адресовано только будущей касте правителей*. Эти властители земли должны **заменить бога** и добиться глубокого и безусловного уважения к себе со стороны подвластных. Прежде всего, *их новая святость, их отказ от счастья и удовольствий*. Они позволяют претендовать на счастье тем, кто *ниже* их, но не себе. Они избавляют неудавших-

²⁹ Там же. С. 95.

³⁰ Там же. С. 513.

³¹ Там же. С. 472.

³² Там же. С. 515.

ся посредством учения «о скорой смерти», они предлагают религии и системы в зависимости от рангового порядка»³³. Ф. Ницше — реформатор, создатель новой религии, пытается революционизировать окружающую его действительность, хотя бы в мечте преломляя ее в некое новое подобие античной Спарты, общества, живущего не только по законам Ликурга, но еще более древнего, отголоски которого слышатся ему в законах арийской древности — законах Ману. Для этого он пытается создать нечто вроде новой социальной дифференцированной шкалы, по которой отныне должно делиться общество. И это — не социальный слой, класс, партия, но — «ранг», «каста» и их иерархия, а не сословно-корпоративное разделение. Как пишет Ф. Ницше: «Я попросту вынужден в *vek des suffrage universel*, то есть когда каждому обо всех и вся дозволено судить, снова восстановить иерархию рангов»³⁴.

Учение о ранговой структуре общества своей предпосылкой имеет разработанную философом концепцию-гипотезу «воли к власти», и, соответственно, вся иерархия рангов строится как некое сословно энергетическое противостояние, борьба рангов между собой. Как пишет философ: «Установление ранга, понижение ранга зависит только от количества власти и больше ни от чего»³⁵. Но, вместе с тем, в этом кастово-ранговом «новом дивном мире», структурно разделяющемся, казалось бы, на уровни по количеству и качеству вмещающей в себя «воли к власти»: чем больше власти, тем выше ранг власти — все же, и это весьма существенно, подлинная аристократия этого нового общества определяется таким вне властным фактором, как все та же «пресловутая» «кровь» феодального общества. И это несмотря на то, что сам философ неоднократно утверждал: «Основная мысль: мы должны будущее брать *мерилом* всех наших ценностей — а не искать *позади нас* законы нашего действия!»³⁶. Хотя, с другой стороны, философ вполне отдает себе отчет в том, что предлагаемые им меры являются своеобразной реакцией — реакцией на революцию XVIII в. Оценивая прошедшее XIX столетие, Ф. Ницше пишет: «*О силе XIX столетия. Мы средневековее, чем XVIII в., а не просто любопытнее или падче на чужое и редкое. Мы взбунтовались против рево-*

люции... Мы эмансипировались от страха перед разумом, этим призраком XVIII в.:...»³⁷.

Итак, кровь, общность по крови — принцип построения в обществе на общем основании, свойственный первобытнообщинным родовым отношениям, делящаяся на первичное по К. Шмитту разделение «свой-чужой» вновь воспроизводится и в рисуемом философом обществе будущего, правда, это только относительно аристократии будущего: «Есть только урожденная знать, — пишет Ф. Ницше, — знать по крови (Пояснение для ослов, я имею в виду не словечко «фон», и не Готский альманах). Когда же заходит речь об «аристократии духа», то тут обычно не бывает поводов для утайки; ибо это, как известно, нечто вроде почетного титула среди честолюбивых евреев. Но один только дух не облагораживает; скорее ему самому потребно нечто, *что его, дух, облагораживает*. Что же ему для этого потребно? Благородство кровей»³⁸. Тем самым движение вперед в будущее все же делается с оглядкой на прошлое, аристократическое прошлое.

Для существования этого «будущего», по мнению философа, необходимо так называемое «величие» — энергия величия, вытекающая из величия задач, стоящих перед будущими господами Земли, осуществляющими строительство будущего общества: «Необходимо добыть эту невероятную *энергию величия*, дабы путем взращивания, а, с другой стороны, путем уничтожения миллионов неудачников воплотить человека будущего и *не погибнуть* в той пучине страдания, которое будет *причинено* и равному которому еще не было на свете!»³⁹. Само будущее в таком контекст становится «лабиринтом», который, посылая настоящему множественные импульсы, определяющие само движение к нему, таит в себе много «ловушек», грозящих гибелью миллионам строителей этого будущего общества, но, тем не менее, сохраняющим неизменное ядро: кастово-ранговую структуру, аристократию, построенную на «крови». Все эти мрачные картины построения возможного будущего, предложенные «визионером» философом, казалось бы, не имеют под собой ничего из реального процесса построения будущего общества и возможной социальной инженерии. И, тем не менее, сам процесс построения в XX в. как национал-социалистической, так и

³³ Ницше Ф. Полное собр. соч. Т. 11. М., 2012. С. 556.

³⁴ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 471.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 529.

³⁷ Там же. С. 533.

³⁸ Там же. С. 508.

³⁹ Там же. С. 518.

социалистической утопии — коммунизма — показывают много общего с самыми «мрачными» видениями «визионера» XIX в. — Ф. Ницше. «Лабиринт» грядущей утопии не только вовлек в себя, заманил, растоптал миллионы человеческих жизней, но и посеял в умах, оставшихся в живых надежды, что, не смотря на то, что миллионы уже погибли в процессе построения, зато другие избегают этой участи и окажутся в числе тех «немногих», кому будет дано право увидеть это будущее осуществленным, реализовавшимся.

И в соответствии с этим философ дает вполне конкретные рекомендации по реализации в настоящем этого будущего, которое не всегда оказывается лучшим, но тем не менее: «*Не людей делать лучше, не их убеждать любого рода «моралью», словно существует «моральность сама по себе», или некий идеальный тип человека — а создавать обстоятельства, при которых потребны более сильные люди, которым, в свою очередь, понадобится мораль (а точнее, телесно-духовная дисциплина), делающая их сильнее, — и, следовательно, она у них будет. Не обольщаться голубыми очами или взволнованной грудью, величю души абсолютно чужда романтика. И, к сожалению, столь же чужда любезность*»⁴⁰. И почти тут же, вслед, еще одно пожелание философа: «Опыт многих войн должен научить нас: 1) Максимально сблизить смерть с интересами, за которые воюешь — это повышает *нашу* доблесть; 2) надо научиться приносить в жертву многих и считать дело, за которое воюешь, настолько важным, чтобы людей не падать; 3) железная дисциплина, дабы позволять себе в войне и насилии и хитрость»⁴¹. Ведь это «сближение смерти с интересами» и требование приносить в жертву многих в нигилистических обществах в России и Германии в XX в. стало почти «моральной» нормой, заменивший существовавшие некогда, почти два с половиной тысячелетия до объявленной философом «смерти Бога», заповеди: «не убий» и «возлюби ближнего» христианского декалога.

Практически XX в. с его двумя мировыми войнами с возникновением в ряде западноевропейских стран, в том числе — и в России, феномена тоталитарных государств с расколом некогда целостного сообщества мировых государств на враждующие, противостоящие друг другу идеологические и военно-политические блоки явился

своеобразным подтверждением самых мрачных прогнозов Ф. Ницше, в том числе и его «переоценки ценностей», всего ценностного ряда христианских моральных оценок, пересмотр их в духе предложенной им «воли к власти», независимо от того, насколько это осознавали сами люди, производящие переоценку. Ф. Ницше не инициировал эти процессы, но наметил возможные, вероятные пути протекания их, и в этом смысле констатировал их наличие задолго до того, как возникли реальные социально-политические процессы, враждебные друг другу, союзы противоборствующих государств.

Намеренно отвлекаясь от анализа нигилистической революции, собственно, христианских ценностей конца XIX начала XX вв. достаточно обстоятельно описанных в концепции нигилизма у философа, проделанное М. Хайдеггером, обратит внимание на другой весьма красноречивый факт: при всем своем неприятии просвещенческой философии, принявшей к концу XIX в. весьма вульгарный, плоский моралистический характер (Е. Дюринг), Ф. Ницше, тем не менее, и сам работает в стилистике просвещенческой, рационалистической философии, подчас доводя до абсурда ее основные постулаты. Весьма активно нападая на философию «кенигсбергского китайца» — И Канта философа, тем не менее, своеобразно в своей поздней философии осуществлял основной лозунг «Просвещения», сформулированный в работе «Что такое просвещение?». Лозунг: «*sapere aude*» — т.е. мужество пользоваться собственным умом доведено у философа до своего логического конца, до абсурда, до полного отказа от самого разума в конце жизни.

Для Ф. Ницше в этот период философ — это нечто, далеко отстоящее от действительной реальной жизни. «Быть философом, — пишет в этот период Ф. Ницше, — быть мумией, изображать монотонотеизм мимикой могильщиков!»⁴². Правда, отдельное место у Ф. Ницше в XIX в. занимает его философский предшественник, учитель А. Шопенгауэр: «последний немец, идущий в счет... как злобно-гениальная попытка вывести в бой в пользу общего нигилистического обесценения жизни как раз противоположные инстанции, великие самоутверждения «воли к жизни», формы избытка жизни»⁴³. Ведь именно с ним, с философией пессимизма, нигилизма и декаданса Ф. Ницше

⁴⁰ Там же. С. 524.

⁴¹ Там же.

⁴² Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 568.

⁴³ Там же. С. 604.

боролся всю свою сознательную жизнь, практически перевернув все ее (философии) основные постулаты, поставив противоположные знаки всем основным импульсам философии франкфуртского отшельника. Эта «переоценка ценностей», этот доведенный до конца нигилизм по отношению к шопенгауэровской философии Ф. Ницше коснулся таких основных постулатов, как «воля», «воля к жизни», сам пессимизм, лежащий в оценке жизни, искусства и т.д. «Воля» стала просто словом, «воля к жизни» заменена на «волю к власти», а искусство стало величайшим стимулом жизни, а не спасения в христианском смысле слова. Собственно, в этой переоценке вся суть нигилизма Ф. Ницше, а сам процесс переоценки ценностей — это и есть революция как восстановление, возвращение, «вечное возвращение того же самого», преобразование пассивного нигилизма в его активную форму.

Такое понимание революции вполне в духе того, как понимает ее Х. Арндт, когда дает следующее определение: «Секуляризация, отделение религии от политики и возрастающая значимость мирских дел на самом деле представляет главный фактор феномена революции»⁴⁴. Все это сполна воплотила в себе революция нигилизма Ф. Ницше, которая не только переосмыслила христианские ценности, мораль, перевернула соотношение религии и политики, сделав саму политику, политическое действие смыслом религий в виде «воли к власти», возведя саму «Власть» как таковую на пьедестал, низведя, редуцировав мир идеалов и высших ценностей к реальному миру текущей политики и политического действия, но и покончила с ними. Это — своеобразная «революция сверху», задуманная философом и разделяющая само революционизируемое общество на две неравноценные группы: боевой авангард, класс господ, признающий основные посыпки философии «воли к власти» и «вечного возвращения того же самого» и косную основную массу, которую необходимо сформировать, вписать в это «новое» общество, этот новый «дивный мир». И, так как «нет ничего нового под луною», то и этот утопический «новый мир» будущего, задуманный Ф. Ницше, при всей «революционности установок», лежащих в его основании, оказывается все тем же хорошо узнаваемым рангово-кастовым обществом прошлых эпох, новым вариантом старого языческого дионисийского архаического общества, описанного им в «Генеалогии морали» при репрезентации

«белокурой бестии» (*Blonde bestie*). Как пишет Ф. Ницше: «В основе всех этих благородных рас просматривается «хищный зверь», роскошная, похотливо блуждающая в поисках добычи и победы *белокурая бестия*; ... римская, арабская, германская, японская знать, гомеровские герои, скандинавские викинги — в этой потребности все они сходны друг с другом»⁴⁵.

В эпоху хаоса и обезбоженной земли, эпоху революционных потрясений Ф. Ницше осуществляет своеобразную редукцию к основанию социального и государственного устройства, только при этом весьма спорным является само «основание» архаического общества, навеянного, во многом, работами коллеги по Базельскому университету: работами по «материнскому праву» Бахофена. И даже если то, что описывал Бахофен было правдой прошлого, далеко отстоящего времени, или было своеобразной «проекцией» современности в исследуемое время в качестве первичной неправды, лежащей в основании интерпретации, то, что это объясняет для Ф. Ницше в текущей современности и почему оно должно быть воспроизводимо в будущем обществе, рисуемом в его утопии? Ф. Ницше ответа не дает, более того, он самих этих «высших людей», «господ земли», этих «*blonde bestie*» покрывает, укутывает завесой загадочности и тайны. «Я учу, — пишет Ф. Ницше, — что есть высшие и низшие люди, и что один единственный человек, приходящийся на целые тысячелетия при известных обстоятельствах способен оправдать их существование — то есть человек яркий, изобильный, великий целый относительно бесчисленных неполных фрагментарных людей»⁴⁶. Это — новая антропология по Ф. Ницше, тоже своеобразный результат «переоценки ценностей», т.е. — «революции нигилизма», переключение его из пассивной в активную форму.

Вместе с тем, и это следует отметить особо, Ф. Ницше дает свою оценку и тем формам революционной активности масс, вытекающей и пассивного нигилизма, вплотную связанную с почти двухтысячелетним развитием-разложением, распадом, вырождением христианских ценностей и с такой особенностью христианского понимания справедливости, как своеобразного психологического «ressentiment'a» — «мщения», «зависти» как основного механизма его реализации. Уже в первом своем философском манифесте, работе, связанной,

⁴⁵ Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 428.

⁴⁶ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 528-529.

⁴⁴ Арндт Х. О революции. М., 2011. С. 26.

казалось бы, с происхождением трагедии в Древней Греции, но написанной как раз после франко-прусской войны 1871 г., после феномена Парижской коммуны имеется следующее рассуждение о революции масс как психологическом феномене — мщении, мщении, как инструменте социальной справедливости: «Нет ничего страшнее варварского сословия рабов, научившегося смотреть на свое существование как на некоторую несправедливость и принимающего меры к тому, чтобы отомстить не только за себя, но и за все предшествовавшие поколения»⁴⁷. Как отмечает позже Ф. Ницше в «Сумерках кумиров»: «...страдающий приписывает себе против своего страдания мед мести»⁴⁸. Философ усматривает психологический механизм *ressentiment* в борьбе за справедливость как «социалиста-рабочего», так и христианина — все тот же «мед мести», хотя внешне проявления и различны, но революция, революция как *ressentiment* объединяет оба различных проявления в один нигилистический феномен. «Но когда христианин, — пишет Ф. Ницше, — осуждает «мир», клеветает на него, чернит его, то он делает это в силу того же инстинкта, в силу которого социалист-рабочий осуждает общество, клеветает на него, чернит его, сам «страшный суд» есть сладкое утешение мести — революция, какой ожидает и социалист-рабочий, только несколько более отдаленная ... Да и «тот мир» — для чего тот мир, если бы он не был средством чернить этот?...»⁴⁹. Как отмечает философ, в данном случае «революция» в ее социально политическом и более отдаленном, христианском, смысле — это и есть *ressentiment*. А тот самый «мед мщения», который в данном случае противостоит активному нигилизму «вечного возвращения того же самого» и, главное, — «воле к власти», которая сминая, активно устраняет не только визионера «христианина», но и «социалиста-рабочего». Как отмечает Ф. Ницше: «Восстание рабов в морали начинается с того, что *ressentiment* сам становится творческим и порождает ценности: *ressentiment* таких существ, которые не способны к действительной реакции, реакции, выразившейся бы в поступке, и которые вознаграждают себя воображаемой мстью»⁵⁰. И, как считает Ф. Ницше, последней победой этого *ressentiment* явилась французская революция XVIII в., когда окончательно похо-

ронив дворянство, т.е. последнее политическое аристократическое сословие XVII и XVIII вв. «Иудея еще раз одержала верх над классическим идеалом с французской революцией: последнее политическое дворянство, существовавшее в Европе, дворянство семнадцатого и восемнадцатого французских столетий, пало под ударами народных инстинктов *ressentiment* — никогда еще на земле не раздавалось большего ликования, более шумного воодушевления»⁵¹.

И если ранее говорилось о редукции к основанию, возвращению к старым хорошо испытанным истинам, то и в этом случае Ф. Ницше отмечает, что восстание, революция рабов не только в морали, но и в действительности XVIII в., даже победа *ressentiment* плебея, простолюдина, черни над дворянским сословием XVII-XVIII вв. во французской революции XVIII в. все же оставило, породило некое явление, дающее, может быть, последнее упование, мечту на будущее господство человека «воли к власти» и «вечного возвращения того же самого», или, как говорил сам философ: «...синтез нечеловека и сверхчеловека»⁵². Как образно и не без пафоса пишет Ф. Ницше: «Как последнее знамение другого пути явился Наполеон, этот самый одиночный и самый запоздалый человек из когда-либо бывших и в нем воплощенная проблема аристократического идеала самого по себе...»⁵³. Тогда как в другом месте Ф. Ницше так оценивает образ Наполеона для XIX в.: «Наполеон: постиг необходимую взаимосвязанность высшего человека и человека ужасающего. Восстановил «мужа»: вернул женщине задолженную дань презрения и страха. «Тотальность» как здоровье и высшую активность; вновь открыл прямую линию и размах в действовании; сильнейший инстинкт, утверждающий саму жизнь, жажду господства»⁵⁴. И если вспомнить высокую оценку фигуры Наполеона, данную в свое время Г.В. Гегелем, усмотревшим в его образе явление, эпифанию «мирового духа», если вспомнить тот «свежий ветер» наполеоновских войн в затхлой консервативной атмосфере Европы начала XIX в., разбивающий партикуляризм и средневековую раздробленность государств континента, то становится яснее та базовая модель, тот архетип сверхчеловека, который в своем учении утверждает философ. История вновь в лице

⁴⁷ Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 127.

⁴⁸ Ницше Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 610.

⁴⁹ Там же. С. 610.

⁵⁰ Там же. С. 424.

⁵¹ Там же. С. 437.

⁵² Там же. С. 437.

⁵³ Там же. С. 437.

⁵⁴ Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 535.

Наполеона подтвердила весьма своеобразный вывод, который делает философ: «Те же условия, которые движут вперед развитие стадного животного, движут и развитие животного-вожака»⁵⁵.

История становится зоологией с господствующей в ней межвидовой борьбой, нигилистический человек становится той самой «белокурой бестией», которая осуществляет свое «право сильного», свою «волю к власти». Но тем самым с именем Наполеона для философа (и не только, взять хотя бы раннего Раскольникова Ф.М. Достоевского и его оценку, его «равнение» на фигуру Наполеона в «Преступлении и наказании») связаны мечты и упования на будущее не только аристократического идеала, но и целого слоя «новых господ», «новых хозяев» Земли. И свою философию Ф. Ницше в позднем периоде ориентирует как выражение новых стремлений и чаяний «великой политики», порождающей этих «новых господ». Не случайно философ пишет: «Я пишу для человека рода, ка-

кого еще нет на свете: для «хозяев Земли»⁵⁶. А для себя и для других, создающих философию нового времени, философ замечает: «Новый философ может возникнуть лишь в связи с господствующей кастой, как высшее ее одухотворение. Большая политика, всемирное правительство при ближайшем рассмотрении, полное *отсутствие принципов* на этот счет»⁵⁷. И как своеобразное завершение своей личной нигилистической революции (а революция в духе Ф. Ницше — это «вечное возвращение того же самого») философ пишет: «Мы, меньшинство или многие, которые отваживаемся снова жить в мире, *избавленном от морали*, мы, язычники по вере, — мы, вероятно, также и первые, кто понимает, что такое языческая вера: это когда ты должен представлять себе более высших, чем человек, существ, но существ по ту сторону добра и зла; должен всякое «быть выше» понимать, как быть вне морали» Мы веруем в Олимп — и *не веруем* в «распятого»⁵⁸.

Список литературы:

1. Арндт Х. О революции. М., 2011.
2. Достоевский Ф.М. Бесы. Записки из подполья. М., 1994.
3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М., 1979.
4. Мочкин А.Н. Великая политика Ф. Ницше и консервативная революция // Философия и культура. 2011. № 4.
5. Мочкин А.Н. Парадоксы неоконсерватизма. М., 1999.
6. Мочкин А.Н. Фридрих Ницше. Интеллектуальная биография. М., 2005.
7. Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005.
8. Ницше Ф. Полное собр. соч. Т. 10. М., 2005.
9. Ницше Ф. Соч.: в 2 т. М., 1990.
10. Эвола Ю. Люди и руины. М., 2007.
11. Элиаде М. Ностальгия по истокам. М., 2012.

References (transliteration):

1. Arendt Kh. O revolyutsii. M., 2011.
2. Dostoevskiy F.M. Prestuplenie i nakazanie. M., 1979.
3. Dostoevskiy F.M. Besy. Zapiski iz podpol'ya. M., 1994.
4. Mochkin A.N. Velikaya politika F. Nitsche i konservativnaya revolyutsiya // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 4.
5. Mochkin A.N. Paradoksy neokonservativizma. M., 1999.
6. Mochkin A.N. Fridrikh Nitsche. Intellektual'naya biografiya. M., 2005.
7. Nitsche F. Volya k vlasti. M., 2005.
8. Nitsche F. Polnoe sobr. soch. T. 10. M., 2005.
9. Nitsche F. Soch. v 2-h tt. M., 1990.
10. Evola Yu. Lyudi i ruiny. M., 2007.
11. Eliade M. Nostal'giya po istokam. M., 2012.

⁵⁵ Там же. С. 513.

⁵⁶ Там же. С. 515.

⁵⁷ Там же. С. 523.

⁵⁸ Там же. С. 542.